

Рецензируемое исследование существенно отличается от часто встречающихся фонетических и фонологических описаний славянских диалектов благодаря тем лингвистическим задачам, которые поставили перед собой авторы, и подходам к собранному в 80-х гг. XX в. материалу. В данном случае была поставлена цель создать синхронную модель фонетической/фонологической системы диалекта как языкового идиома. Такая цель могла быть реализована лишь на основе материала, всесторонне отражающего особенности звукового строя диалекта. Для этого авторами была составлена специальная программа обследования диалекта, которая давала максимальную возможность выявить правила сочетания в последовательности гласных, согласных друг с другом и паузой (предшествующей и последующей), что явилось основой для последующей парадигматической интерпретации фонетических фактов. Предложенный тип описания фонетики диалекта исключает традиционно распространенный дифференциальный подход к явлениям диалекта.

Диалекты исследовались на фоне определенной социально-языковой ситуации. В данном случае это очень важно, поскольку предметом изучения являются восточно-болгарские подбалканские говоры села Кортен (КН) Старо-Загорского района Болгарии и села Кирютня (КЯ) в Чадыр-Лунгском районе Республики Молдовы, жители которого в 1828 г., после очередной войны России с Турцией получили возможность покинуть село Кортен и переселиться в Бессарабию, бывшую тогда частью Российской империи. Фактически речь идет о говоре одного села, жители которого волею исторических судеб почти два века тому назад разделились на две части и оказались в различных социально-языковых ситуациях.

Село КН продолжало существовать в родной стране, окруженное родственными болгарскими диалектами, жители которого затем в определенной мере владели болгарским литературным языком благодаря школьному обучению; в этих условиях могло существовать свойственное балканским этносам дву- и многоязычие, но оно уже не играло существенной роли в стране, где главенствующей была болгарская нация и официальным государственным языком был болгарский литературный язык.

Носители того же болгарского диалекта в селе КЯ оказались в полиэтнической среде наряду с молдаванами, украинцами, русскими,

возможно, и гагаузами (эта лексема не раз встречается в фонетических материалах книги), хотя по соседству проживали и носители других болгарских говоров, переселившиеся в тот же исторический период с родины в Российскую империю. Жителей села КЯ окружала типичная балканская социально-языковая ситуация многоязычия, главенства неродного государственного языка (русского) с возможностью обучения грамоте только на этом языке. Впрочем, все это в принципе соответствовало многовековому укладу балканских этносов, привычному для них, и, следовательно, балканской языковой картине мира. Как отмечают авторы, «практически все носители диалекта КЯ владеют двумя (болгарский, русский) или тремя и более (болгарский, русский, молдавский, украинский) языками. Для КЯ отсутствует контакт с болгарским литературным языком и, соответственно, влияние кодифицированной нормы на диалект» (с. 15).

Обращаясь к синхронному описанию диалекта как языковой системы, авторы ставят задачу определить на фонетическом уровне такие показатели системы, как правила сочетания и чередования звуков и фонематических единиц, правила нейтрализации фонемных оппозиций, распределение фонематических единиц по позиционным наборам. Для структурной классификации славянских диалектов на фонетическом уровне это является актуальной задачей, поскольку подобных исследований в данной области мало и «по существу отсутствует развернутое представление о синхронном структурном сходстве и различии между славянскими диалектами» (с. 11). Конечно, хорошо было бы исследовать синхронную структуру диалектов и на уровне других компонентов системы языка, в частности, на грамматическом уровне, но уже и столь глубокое синхронное исследование диалекта на фонетическом уровне, проведенное авторами книги, дает достаточное представление о системе языка (диалекта). А подобные исследования других современных славянских диалектов могли бы дать при сопоставлении развернутую в пространстве картину их диахронического развития.

Синхронное сопоставление двух болгарских диалектов (КН и КЯ) помогает выяснению вопросов зависимости существования говора от конкретной языковой ситуации, а именно: 1) какие черты звукового строя диалекта являются наиболее стабильными, а какие наиболее подвержены изменениям; 2) какие изменения в говоре являются следствием

воздействия экстралингвистической ситуации, а какие – результатом внутреннего развития. Следует признать очень удачным выбор именно данных болгарских говоров в качестве материала для решения поставленных в исследовании задач.

В работе представлен фонетический, а затем и фонологический анализ. Фонетический анализ проводится в рамках сегмента, соответствующего словоформе, в том числе сочетания словоформы с клитиками. Различие между фонемами определяется не качеством реализующих звуков, а системной оппозицией, в которой фонемы участвуют. Согласно принципам Московской фонологической школы, рамочной конструкцией, в пределах которой констатируется фонемное тождество позиционно различающихся звуков, является морфема. Однако реализованная в работе процедура анализа фонетики диалекта отличается от принципов МФШ, касающихся интерпретации фонематических единиц, включенных в позиционно сокращенные наборы звуков.

Сущность предлагаемой фонологической модели, сводится к следующему: 1) в позиционно сокращенных наборах звуков реализуются фонематические элементы, характеристика которых формируется возможностями противопоставления в данной позиции (с. 20); 2) непротивопоставленность фонетических единиц по некоторым дифференциальным признакам в позиционно укороченных наборах трактуется как результат свертывания (сокращения) характеристики в ДП отдельных фонем и, как следствие этого, особая организация того фрагмента системы, который занят этими фонемами. Нейтрализация трактуется как синтагматически обусловленное устранение разности пересекающихся множеств ДП. Таким образом, нейтрализация приоритетно связана с синтагматическими запретами, а звуковое чередование, т. е. парадигматическое проявление на звуковом уровне, не является обязательным (с. 21–22). В позиции нейтрализации различие между фонемами по некоторым признакам утрачивает релевантность, и вместо двух или более фонем в этой позиции выступает один замещающий эти фонемы элемент, имеющий значение *архифонемы*. В данной работе для обозначения гласных архифонем принят принцип комбинации знаков нейтрализуемых фонем (например, архифонема /e_и/ или /и_е/ с нейтрализацией ДП 'средний подъем' у фонемы /е/ и 'верхний подъем' у фонемы /и/). Этот же принцип принят для обозначения консонантных архифонем, например, /с_х/, /т^н/.

После глав «Предисловие» и «Введение» следуют два главных раздела – «Вокализм»

(автор Т.В. Попова) и «Консонантизм» (автор Л.Э. Калнынь); в конце исследования дается раздел «Заключение».

В начале каждого из этих разделов рассматривается *синтагматика* звуков, т.е. все реальные (конкретные) случаи их употребления, а именно: в линейных сегментах – после паузы, после всех согласных, перед всеми согласными, перед гласными переднего и непреднего ряда, перед паузой; для гласных релевантна также и суперсегментная (надлинейная) позиция, поэтому все указанные сегменты рассматриваются и по отношению к ударению, т.е. в ударном и безударном слогах.

Так, в разделе «Вокализм» указывается, что каждая из перечисленных сегментных позиций имеет свой набор звуков. Например, для ударных гласных в позиции CVC – это звуки *á, ѓ, ó / љó, ú*, для безударных гласных (предударных и заударных) в этой же линейной (сегментной) фонетической позиции CVC – отмечены звуки *a, ѓ, o, u*, причем обнаружено, что свободно варьируются друг с другом звуки *a* и *ѓ* (*бакѓр* и *бѓкѓр*, *баба* и *бабѓ*), и звуки *o* и *u* (*сѓлу* и *сѓло*, *гулѓм* и *голѓм*). В других фонетических позициях фиксируются уже иные составы звуков (с. 78, 109).

На все особенности синтагматики гласных и согласных звуков обращается специальное внимание. Например, для гласных особо комментируется позиция после мягких согласных (т.е. C'V) и констатируется факт, что после мягких согласных в безударной позиции гласный *o* не употребляется, возможен только гласный *u* (а в предударной позиции и гласный *ѓ*): *з'умб'ул' / з'ѓмб'ул'* (но не *з'омб'ул'*), *д'ерт'уw'и*, *кóз'у* (но не *д'ерт'ow'и*, *кóз'o*) и т.п. Впрочем, приведенные в книге примеры показывают, что и после твердых согласных в безударной позиции появляется *u*, напр. *градuw'ѓ*, *сѓлу*, хотя наряду с *u* возможен и *o* (*градow'ѓ*, *сѓло*).

Чтобы понять причину различий в позиционных наборах гласных и согласных в разных позициях (для гласных, например, в ударном и безударном слогах, для согласных – перед паузой и перед гласным переднего ряда), исследуется *соответствие (эквивалентность) звуковых единиц* в одном и том же линейном сегменте, который входит в разные морфы одной морфемы. Например, в *грѓт* и *гра/ѓдѓ* отмечается соответствие гласных звуков *á ~ a/ѓ* и согласных *t ~ d*; при этом устанавливаются условия, вызвавшие данные различия (в вокализме – это смена ударной позиции на безударную, в консонантизме – смена позиции перед паузой на позицию перед гласным).

При анализе звуковой синтагматики авторы исходят из того, что правила синтагматики

шире ее реализации. В соответствии с этим, незафиксированные сочетания делятся на фонетически допустимые и фонетически запрещенные (с. 17).

Синтагматический этап исследования является основой анализа чередования звуков, обусловленных наличием разных позиций (например, для гласных – позицией по отношению к ударению). При этом берутся одни и те же фонетические сегменты с учетом их принадлежности разным морфам одной и той же морфемы, т.е. вводится уже морфологический фактор (понятие тождества морфемы) для идентификации ударных и безударных гласных (или разных согласных – глухих и звонких, твердых и мягких и др.). Таким образом, путем исследования чередования звуков в разных морфах одной морфемы устанавливается их соответствие друг другу. Этот анализ объясняет, почему максимальный набор звуков, фиксируемый в определенной фонетической позиции, может быть укороченным в другой фонетической позиции. Например, в сегменте C'VC в позиции под ударением употребляются гласные звуки *á, é, ú, ó, ý, ŷ, ě*, а в том же сегменте C'VC, но в безударном слоге – гласные звуки *a / ě, u, ŷ* (реже *y*).

В разделе «Вокализм» чередования показывают: а) функциональную связь между разными звуками (ударными и безударными гласными); б) «исчезновение» некоторых ударных гласных в безударной позиции, где на месте этих ударных гласных употребляется новый «общий» безударный гласный (ср. *'ú : 'é > 'ě / 'a* в *б'ул : с'элу > б'а/ěла, с'а/ěла* – в рамках 'горизонтального' типа редукции; или *'ú : 'é > 'ě / u* в *м'эт : б'ук > м'у/ěдѣ, б'укѣ* – в рамках 'вертикального' типа редукции); 3) наличие фонетической и морфологической обусловленности большинства чередований как в КН, так и в КЯ (с. 110–135).

Раздел «Консонантизм» также начинается с анализа синтагматики согласных в словоформах, при этом особое внимание уделяется сопоставлению диалектов КН и КЯ с точки зрения 1) особенностей артикуляции отдельных согласных; 2) явлений, возникающих в сегментных последовательностях одного типа; 3) правил организации фонетической модели слова как целостной единицы (с. 190–198).

В разделе «Консонантизм» рассматриваются *позиционные чередования* согласных, различающихся участием голоса, затем – твердых и мягких согласных, чередования согласных, различающихся участием голоса и твердостью-мягкостью; чередования согласных одного локального ряда, но разного способа образования; чередования согласных одинаковых способов образования, но разных

локальных рядов; чередования согласных различающихся локальным рядом и способом образования; чередования согласных с нулем звука. Анализ позиционных чередований согласных показывает, что этот раздел консонантизма в говорах КН и КЯ организован сходным образом (с. 198–216).

На основе синтагматики звуков и их позиционных чередований в обоих разделах делаются выводы о фонологическом устройстве системы. Дается *фонологическая интерпретация* звуков и конструируется состав *фонем* и *архифонем* (в соответствии с концепцией, изложенной во «Введении»). Например, для гласных в позиции под ударением релевантно противопоставление гласных по подъему, ср.: *средний подъем : верхний подъем* для нелабиализованных гласных *é* и *ú* и для лабиализованных гласных *ó* и *ý*. В безударной позиции это противопоставление нерелевантно (вместо *é : ú* только *ě / u* или *'a / 'ě*, а вместо *ó : ý* только *o / y*). Таким образом, если в позиции под ударением гласный *é* реализует фонему / *e* / с тремя ДП (это 'средний подъем', 'передний ряд', 'нелабиализованность'), а гласный *ú* – фонему / *и* / также с тремя ДП ('верхний подъем', 'передний ряд', 'нелабиализованность'), то безударные гласные *ě / u* (при 'вертикальном' типе редукции гласных), которые имеют только два общих и для *é*, и для *ú* ДП (это 'передний ряд' и 'нелабиализованность'), реализуют архифонему / *е_л* / (или / *и_л* /): в ней дифференциальные признаки 'средний подъем : верхний подъем', противопоставляющие друг другу фонемы / *e* / и / *и* /, нейтрализованы, т. е.: *м / е_л / т : б / и_л / к > м / е_л / дѣ, б / е_л / кѣ*. Аналогичная процедура проведена и с гласными *ó, ý* и *o / y* (в *к_лум : с_лол* и *кумѣ, султѣ*, фонологически *к / у_л / м : с / о_л / л > к / у_л / мѣ, с / у_л / лѣ* (или *к / о_л / мѣ, с / о_л / лѣ*)).

В разделе «Консонантизм» устанавливаются функциональные признаки фонем, противопоставленных по локальному ряду, способу образования, участию голоса, твердости-мягкости и по назальности (с. 216–225). Затем рассматриваются консонантные архифонемы, нейтрализующие перечисленные оппозиции.

Анализ нейтрализации консонантных оппозиций в КН и КЯ позволил сделать общие выводы о типологической характеристике системы консонантизма. Нейтрализация по признакам твердости-мягкости и по звонкости-глухости распространяется на оппозиции согласных фонем всех локальных рядов; нейтрализация по месту и способу образования происходит в зоне, расположенной после губного ряда, но только у шумных и глухих, при этом из задненебных участвует только / *х* /. Специфика позиционных наборов консонант-

ных фонематических единиц в КН и КЯ оценивается как показатель стабильности и сравнительной простоты структуры консонантизма в этих говорах.

Важно, что как для синтагматического уровня устанавливаются разные позиционные составы гласных и согласных звуков, так и для фонологического уровня также устанавливаются разные позиционные наборы фонем и архифонем.

В «Заключении» авторы делают очень важные и интересные выводы, с которыми нельзя не согласиться: несмотря на различие в социально-языковых ситуациях существования говоров КН и КЯ, кардинальных фонетических различий между этими говорами не обнаружено.

Хотя говор КЯ изолирован от метрополии и подвержен разным иноязычным влияниям (дву- и многоязычие в результате контактов с русской, украинской, молдавской речью), он не является островным говором, поскольку рядом сосуществуют болгарские села, переселившиеся в свое время из Болгарии и представляющие свои различные болгарские говоры. Иноязычных элементов в фонетике говора КЯ авторы практически не отмечают, в отличие от влияний в области лексики в виде русских и румынских слов.

Сопоставление говоров КН и КЯ показывает, что они близки по своей фонетике и по устройству фонологической системы. Фундаментальная общность между этими говорами состоит в построении фонетической системы на основе одинаковых ограничений, регламентирующих начало и конец слова. Особое отношение проявляется к силе шумной артикуляции и распределению сонорности. Общими для КН и КЯ являются два типа редукции безударных гласных и редукция до нуля заударных гласных; лабиализация гласного и под влиянием соседних губных согласных; большая часть изменений в группах согласных и звуковое оформление внешнего сандхи.

Различия, в частности, имеются в артикулировании отдельных звуков, например *ѣ* и *ѓ* (в КЯ произносится *ʲѓ*), а также некоторых согласных. Авторы констатируют, что в КЯ в

фонетической модели слова признак консонантности выражен сильнее, чем в КН; приводятся примеры и других различий (с. 242–244). В КЯ расширена сфера употребления мягких согласных на конце слова за счет более широкого ассортимента согласных, чем это допустимо в КН.

В основных чертах в говорах КН и КЯ сходна модель фонологической системы по своему инвентарному составу и типам нейтрализации фонемных оппозиций. Различия проявляются в составе архифонем, что отражает расхождения между КН и КЯ в правилах сочетания мягких согласных с паузой. Неодинакова также лексическая представленность фонемы / *ъ* / после мягких согласных.

На основе синхронного описания говоров, по мнению авторов, можно считать более старым состояние фонетики, отраженное в говоре КЯ в виде употребления мягкости согласных на конце слова и большей частоте ударного гласного *ѣ* в сегменте *С'VC'*. О причинах конкретных расхождений в фонетике КН и КЯ авторы не говорят однозначно и считают, что «для прояснения ситуации соответствующие явления должны быть проанализированы в контексте динамики диалектных особенностей в рамках определенных ареалов в Болгарии» (с. 245). С этими выводами нельзя не согласиться, но, думается, неплохо было бы еще раз обратить внимание на специфику функционирования говора КЯ в действующей социально-языковой ситуации, в частности, на главенствующую роль русского языка в иерархии многоязычия. Может быть, как раз влияние русского языка могло способствовать мягкости согласных на конце слова (ср. рус. *кроф'* – КЯ *крѣф'*)?

Высказанные замечания не умаляют большой научной значимости и ценности данного диалектологического исследования, и хотелось бы, чтобы подобные исследования синхронного состояния современных славянских диалектов получили новый импульс и дальнейшее развитие.

Р.П. Усикова